

© Е. В. ШЕРСТНЕВА, 2003

УДК 614:374

Е. В. Шерстнева

МУЗЕИ И ВЫСТАВКИ В ПРАКТИКЕ САНПРОСВЕТА. ОШИБКИ И НАХОДКИ ПЕРИОДА 20-Х ГОДОВ

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им Н. А. Семашко, Москва

В 1919 г. нарком здравоохранения Н. А. Семашко констатировал, что советское здравоохранение начинается и кончается санитарным просвещением. Краеугольным камнем складывающейся в этот период системы санитарно-просветительных мероприятий стало музейно-выставочное дело. Его организационные основы были заложены еще в годы гражданской войны, когда в январе 1919 г. на заседании комиссии санитарного просвещения было рассмотрено "Положение об отделе санитарного просвещения и медицинских изданий и о Государственном музее социальной гигиены", предусматривавшее создание внутри отдела санитарного просвещения Наркомздрава РСФСР 4 подразделов, и музейно-выставочного в первую очередь. Наглядность и общедоступность — вот те качества музейно-выставочных форм работы в 20-е годы, которые определяли их приоритетность и позволяли максимально приблизить санпросвет к массе неграмотного и обнищавшего населения.

Перед сотрудниками музейно-выставочного подразделения была поставлена задача "организации Музея социальной гигиены, постоянной и передвижных выставок..." для обслуживания санитарно-просветительных задач [2].

Возглавленный А. В. Мольковым Музей социальной гигиены располагался в центре Москвы — в доме Морозова на Воздвиженке — и в том же году в экстренном порядке на имеющихся в фондах материалах развернул первую выставку по борьбе с массовыми заболеваниями.

Основу фондов этого просветительного учреждения составили материалы Пироговской комиссии по распространению гигиенических знаний. Дальнейшее их пополнение происходило за счет продукции, производимой непосредственно в музейных мастерских.

Музей являлся как материальным, так и методическим фундаментом, на котором базировалось в начале 20-х годов выставочное просветительное дело. Он содействовал организации постоянных и передвижных выставок по вопросам гигиены и санитарии. В 1921 г. на его материалах были организованы временные выставки "на Яузском бульваре в туберкулезном диспансере из 106 предметов", "в помещении санитарного отдела из 51 предмета", "в Доме Советов" и др. [3]. В периоды проведения тубтрехдневников, недель борьбы с вшивостью и

других противоэпидемических кампаний музеем предоставлялись разнообразные изобразительные материалы, позволявшие как оживить мероприятия, так и внести в них просветительское начало.

В январе того же года на Петровке при участии Музея социальной гигиены была открыта постоянная выставка по охране здоровья, ставшая заметным явлением в столичной жизни. Однако попытки работников выставки придать вещественный характер экспозиции всеми имеющимися средствами привели к курьезным последствиям. Дело в том, что в разделе выставки "Смерть и смертные явления" в феврале 1921 г. был помещен в качестве экспоната мумифицированный труп архиепископа Иннокентия, доставленный из Вознесенского монастыря Иркутска красноармейцами 9-го стрелкового полка. Это обстоятельство привлекло на выставку огромное количество городских жителей. Достаточно сказать, что если в первый месяц работы выставки ее посетило всего 2,5 тыс. человек, то в феврале число посетителей утроилось, а в мае достигло уже почти 13 тыс. [4]. В городской прессе эта история нашла язвительный отклик в виде заметки "На поклонение". От внимания ее автора не ускользнула картина толпы "валивших на выставку старушек, монахинь, купчих средней руки... Оказалось, что на выставку доставлены моши, к которым вся эта публика приходит прикладываться и потихоньку ругает безбожников" [5]. Хранитель выставки признавался, что "вследствие присутствия на выставке мошей внимание некоторых слоев населения чрезвычайно возбуждено. В церквях открыто привлекается внимание прихожан посещать выставку" [6]. Дискутируя с автором статьи, сотрудники выставки подчеркивали в свое оправдание, что ни во время вскрытия поступившего на выставку ящика с мумией, ни при размещении ее в экспозиции "ничьи религиозные чувства оскорблены не были", а цель размещения ее в экспозиции состояла в том, чтобы довести до сведения "сознательного человека..., что мумификация — явление естественное" [7].

С позиций сегодняшнего дня этот эпизод из истории санпросвета выглядит достаточно курьезно. Тем не менее следует учесть, что деятельность эта осуществлялась на фоне общей разрухи и упадка культуры, при отсутствии

какой бы то ни было научно-методологической базы. А поэтому этот факт следует рассматривать скорее как естественную издержку этапа проб и ошибок, который проходило по мере своего становления санпросветовское дело. В целом же выставка по охране здоровья на Петровке была весьма познавательной и полезной. В числе ее постоянных посетителей значились преимущественно красноармейцы и рабочие, что может свидетельствовать о ее популярном уровне.

В орбиту санпросветработы в начале 20-х годов активно включился и Главполитпросвет, курировавший устройство в общественных местах — в чайных, на постоянных дворах и в других местах скопления рабоче-крестьянской массы — небольших выставок по санитарии и гигиене "вместо случайно развешенных картин и икон с лампадами" [8]. Выставочных форм пропаганды придерживались и отдел охраны материнства и младенчества. Высокую общественную оценку получила, например, выставка во Дворце труда в 1923 г. Важно отметить, что в ее подготовке принимали участие известные художники — А. Комаров и А. Архипов. По оценке заведующей отделом ОХМАТМЛАДа В. П. Лебедевой, "благодаря сотрудничеству больших мастеров в области науки и искусства, ...задачи охраны материнства и младенчества "были выявлены в истинно художественных образах, отмечены чертами подлинного искусства" [15].

На периферии постановления санитарно-просветительного дела испытывала поначалу большие организационные трудности. Заведующий отделом санитарного просвещения Рыбинска, например, сообщал в феврале 1921 г. в музейно-выставочный отдел Наркомздрава о хаотично расположенных в центре города, на пристанях, на станциях железных дорог стеклянных витринах, где размещались "все имеющиеся" материалы "по заразным болезням" [9]. Однако уже с 1921 г. в ряде городов центральной России проводниками санитарной культуры в массы становятся дома санитарного просвещения. О своей поездке и о посещении Ярославского дома санитарного просвещения с удовлетворением сообщал в докладной записке инструктор музейно-выставочного отдела, отмечая, что расположилось это учреждение на одной из центральных улиц в двухэтажном здании. Второй этаж занят выставкой, которая включала в себя следующие разделы: анатомия, заразные болезни, социальные болезни, охрана материнства и младенчества, охрана труда. Аудитория Дома санитарного просвещения вмещала до 300 человек, в распоряжении учреждения находились экран и 4 проекционных фонаря [10].

Относительная стабилизация ситуации в стране к середине 20-х годов, а также проблемы, вставшие перед здравоохранением в связи с началом реконструкции, приводили к совершенствованию практики санпросвета путем обогащения ее новыми приемами работы. Так, начало коллективизации сельского хозяйства определило повышенное внимание к состоянию медицины и уровню санитарной грамотности на селе. Специальное постановление СНК от 27 марта 1926 г. констатировало необходимость увеличения размеров субсидирования сельской медицины с учетом расходов на санитарное просвещение, а в качестве мер по улучшению санитарно-просветительной работы на селе предусматривало, в частности, оборудование сети передвижных и постоянных выставок по гигиене и благоустройству деревни. Работа с крестьянством в свою очередь требовала от деятелей санпросвета немалой изобретательности, учета особенностей психологического склада этой части населения, настороженно воспринимающей вторжение в свой жизненный уклад всего нового. Крестьяне игнорировали, например, стационарные музеи и выставки, особенно в "базарные" дни. В результате возникла идея практиковать устройство санитарно-просветительных палаток на базаре, где выставлялись бы наглядные материалы по инфекционным болезням и ветеринарии. Любопытна описанная работниками выставки реакция крестьян: "Первый день

они ставши поодаль осторожно приближались к палатке, спрашивая: А сколько стоит посмотреть-то?". Убедившись, что "картины" показывает и объясняет врач бесплатно, крестьяне ...с напряжением слушали объяснения и удивлялись, что за это не берут денег..." [1]. Этот положительный опыт с гордостью излагали работники выставки на страницах методической санитарно-просветительной печати.

Не менее ценной находкой деятелей санпросвета следует признать вагоны-выставки. В 1925 г., например, такой вагон входил в состав агропоезда им. В. И. Ленина и обслуживал крестьянство Тамбовской, Рязанской, Курской, Воронежской губерний. В течение 1 дня эту выставку посещало более 1 тыс. человек. Популярность выставки была столь высокой, что, по признанию ее организаторов, перерывов между группами посетителей практически не бывало [17].

Рост коллективных форм организации быта, вызванный как развитием производства, так и идеологическими установками 20-х годов, с одной стороны, усугублял опасность распространения массовых заболеваний, а с другой — содействовал формированию оптимальных возможностей для охвата санитарной пропагандой больших групп населения. Так, типичным явлением для предприятий, рабочих клубов, общежитий, столовых стало наличие "уголков здоровья", "досок здоровья", в рабочих кварталах устраивались фургоны-выставки.

Вторая половина 20-х годов характеризовалась более систематическим характером ведения музейно-выставочной работы. Это позволяло поставить вопрос "о создании готового ассортимента передвижных выставок и предоставлении их на условиях проката на места вместе с обслуживающим персоналом" [11]. Подобный вид услуг был организован, например, при издательстве Наркомздрава РСФСР, о чем говорят сохранившиеся в архиве квитанции о выдаче и возврате серии плакатов, составивших "Выставку по оспе", "Туберкулезный уголок", "Выставку-лубок" и т. д. [12]. Очевидно, здесь имел место и определенный коммерческий интерес: в условиях НЭПа это могло служить средством получения дополнительно денежного дохода издательством.

После дипломатического признания России рядом зарубежных стран в 1924 г. появилась возможность участия и в международных выставках. В 1925 г. Россия экспонировала свои материалы на Венской гигиенической выставке. В 1926 г. на съезде Американской ассоциации здравоохранения в Боффало была организована выставка, где демонстрировались плакаты по санитарному просвещению Наркомздрава со сделанным предварительно переводом всех надписей. По окончании съезда плакаты в качестве отдельной выставки демонстрировались в Нью-Йорке, а успех ее был столь значителен, что "многие из посетивших выразили желание иметь серии открыток, на коих были бы воспроизведены некоторые из плакатов" [13]. Комплекс санитарно-просветительных материалов Наркомздрава демонстрировался и на Международной выставке, состоявшейся в 1926 г. во Франкфурте-на-Майне [14].

Конечно, участие в международных выставках вносило определенный идеологический акцент в отечественные экспозиции, но в то же время являлось почетным и служило важным моральным стимулом для нашей страны. Выход на международный уровень также позволил деятелям здравоохранения убедиться в том, что наглядная санитарно-просветительная пропаганда являлась "универсальным средством" решения ряда проблем в области здравоохранения для тех стран, которые "пережили последствия войны и голода" и находились в "крайне тяжелом материальном положении" [16].

Участие России в международных выставках свидетельствовало и о плодотворности усилий, приложенных энтузиастами санпросвета к поиску оптимальных путей общения с массами в сложный для страны исторический момент.

Литература

1. *Бахметьев Р.* // Теория и практика санитарного просвещения. — 1926. — Вып. 3. — С. 162.
2. Государственный архив Российской Федерации, ф. 482, оп. 9, д. 95, л. 6.
3. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 13, л. 25.
4. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 14, л. 98.
5. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 14, л. 77.
6. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 16, л. 35.
7. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 14, л. 98.
8. ГАРФ, ф. 2313, оп. 2, ед. 186, л. 7.
9. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 16, л. 31.
10. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 13, л. 124.
11. ГАРФ, ф. 406, оп. 12, ед. 1833, л. 186.
12. ГАРФ, ф. 482, оп. 35, ед. 12, л. 96, с. 339, 340.
13. ГАРФ, ф. 1571, оп. 1, ед. 174, л. 10, 19.
14. ГАРФ, ф. 482, оп. 35, ед. 182, л. 352, 354.
15. *Лебедева В. П.* Охрана материнства и младенчества в общей схеме советского строительства. Пять лет советской медицины. — М., 1923. — С. 88.
16. *Лифшиц С.* // Моск. мед. журн. — 1927. — № 1. — С. 64—73.
17. *Степанов Г.* // Санитарное просвещение. — 1925. — Сб. 2. — С. 122.

Поступила 26.11.01